

Глава 1

ДОКТОР ШЕППАРД ЗАВТРАКАЕТ

Миссис Феррарс скончалась в четверг, в ночь с 16 на 17 сентября. За мною прислали в пятницу, 17 сентября, в восемь часов утра. К тому моменту, как я появился, сделать ничего было нельзя — она была мертва уже несколько часов.

Домой я вернулся в начале десятого. Открыл входную дверь своим ключом и намеренно задержался в прихожей на несколько минут, вешая на вешалку шляпу и легкое пальто, которое предусмотрительно надел для защиты от прохлады раннего осеннего утра. Сказать по правде, я был здорово расстроен и обеспокоен. Не хочу притворяться, что в тот момент я предвидел все события, которые последовали в следующие несколько дней — подчеркну, что это было совсем не так, — но мои инстинкты подсказывали мне, что впереди нас ждут непростые времена.

Из столовой по левую руку от меня раздались позвякивание чайных чашек и отрывистое, сухое покашливание моей сестры Кэролайн.

— Это ты, Джеймс? — спросила она.

An unnecessary question, since who else could it be? To tell the truth, it was precisely my sister Caroline who was the cause of my few minutes' delay. The motto of the mongoose family, so Mr Kipling tells us, is: 'go and find out.' If Caroline ever adopts a crest, I should certainly suggest a mongoose rampant. one might omit the first part of the motto. Caroline can do any amount of finding out by sitting placidly at home. I don't know how she manages it, but there it is. I suspect that the servants and the tradesmen constitute her Intelligence corps. When she goes out, it is not to gather in information, but to spread it. At that, too, she is amazingly expert.

It was really this last named trait of hers which was causing me these pangs of indecision. Whatever I told Caroline now concerning the demise of Mrs Ferrars would be common knowledge all over the village within the space of an hour and a half. As a professional man, I naturally aim at discretion. Therefore I have got into the habit of continually withholding all information possible from my sister. She usually finds out just the same, but I have the moral satisfaction of knowing that I am in no way to blame.

Mrs Ferrars' husband died just over a year ago, and Caroline has constantly asserted, without the

Глупый вопрос — кто же это еще мог быть? Надо сказать, что именно моя сестрица Кэролайн была причиной моей задержки в прихожей. Мистер Киплинг рассказал нам, что девизом семейства мангустов было «Беги и разнюхай». Если у Кэролайн когда-нибудь появится свой герб, то я настаиваю, что на нем должен быть помещен именно этот зверек, стоящий на задних лапах. И при этом можно убрать первую часть девиза — Кэролайн может выяснить все что угодно, вообще не покидая дома. Я не знаю, как ей это удастся, но дело обстоит именно так. Подозреваю, что ее разведывательным корпусом являются слуги и торговцы. Когда она выходит, то только для того, чтобы распространять информацию, а не для того, чтобы ее собирать. В этом сестра тоже достигла необычайных высот.

И именно эта ее способность вызывает у меня приступы замешательства и нерешительности. Что бы я сейчас ни сказал Кэролайн относительно смерти миссис Феррарс, это станет общественным достоянием всех жителей нашей деревни уже через полтора часа. Как профессионал я, естественно, выступаю за сохранение врачебной тайны. Именно поэтому у меня вошло в привычку скрывать от сестры, насколько это вообще возможно, имеющуюся в моем распоряжении информацию. Правда, она все равно ее узнает, но я чувствую моральное удовлетворение оттого, что это произошло не по моей вине.

Муж миссис Феррарс умер около года назад, и Кэролайн абсолютно уверена — хотя у нее нет

least foundation for the assertion, that his wife poisoned him.

She scorns my invariable rejoinder that Mr Ferrars died of acute gastritis, helped on by habitual overindulgence in alcoholic beverages. The symptoms of gastritis and arsenical poisoning are not, I agree, unlike, but Caroline bases her accusation on quite different lines.

‘You’ve only got to look at her,’ I have heard her say.

Mrs Ferrars, though not in her first youth, was a very attractive woman, and her clothes, though simple, always seemed to fit her very well, but all the same, lots of women buy their clothes in Paris, and have not, on that account, necessarily poisoned their husbands.

As I stood hesitating in the hall, with all this passing through my mind, Caroline’s voice came again, with a sharper note in it.

‘What on earth are you doing out there, James? Why don’t you come and get your breakfast?’

‘Just coming, my dear,’ I said hastily. ‘I’ve been hanging up my overcoat.’

‘You could have hung up half a dozen overcoats in this time.’ She was quite right. I could have.

I walked into the dining-room, gave Caroline the accustomed peck on the cheek, and sat down to eggs and bacon. The bacon was rather cold.

никаких доказательств, — что его отравила собственная жена.

Она не обращает никакого внимания на мое авторитетное мнение, что причиной его смерти был острый приступ гастрита, осложненный длительным и постоянным потреблением больших доз алкоголя. Я готов согласиться, что симптомы смерти от гастрита и отравления мышьяком в чем-то схожи, но обвинения Кэролайн основываются на совсем других фактах.

— Да ты просто взгляни на нее, — неоднократно говорила мне она.

Миссис Феррарс, женщина не первой молодости, была очень привлекательной дамой, а ее одежда, хотя и простая на вид, всегда прекрасно на ней сидела. Да и вообще многие женщины покупают свою одежду в Париже, но от этого необязательно становятся убийцами собственных мужей.

Так вот, пока я стоял в прихожей и все эти мысли мелькали у меня в голове, голос Кэролайн, на этот раз более резкий, прозвучал снова:

— Ради всего святого, Джеймс, что ты там делаешь? Почему не идешь есть свой завтрак?

— Уже иду, дорогая, — поспешно ответил я. — Я просто вешал пальто.

— За это время можно было повесить полдюжины пальто. — В этом она была права, я спокойно мог это сделать.

Войдя в столовую, я, как всегда, клюнул Кэролайн в щеку и уселся перед яичницей с беконом. Еда уже успела остыть.

‘You’ve had an early call,’ remarked Caroline.

‘Yes,’ I said. ‘King’s Paddock. Mrs Ferrars.’

‘I know,’ said my sister.

‘How did you know?’

‘Annie told me.’

Annie is the house parlourmaid. A nice girl, but an inveterate talker.

There was a pause. I continued to eat eggs and bacon. My sister’s nose, which is long and thin, quivered a little at the tip, as it always does when she is interested or excited over anything.

‘Well?’ she demanded.

‘A sad business. Nothing to be done. Must have died in her sleep.’

‘I know,’ said my sister again. This time I was annoyed.

‘You can’t know,’ I snapped. ‘I didn’t know myself until I got there, and haven’t mentioned it to a soul yet. If that girl Annie knows, she must be a clairvoyant.’

‘It wasn’t Annie who told me. It was the milkman. he had it from the Ferrarses’ cook.’

As I say, there is no need for Caroline to go out to get information. She sits at home and it comes to her.

My sister continued: ‘What did she die of? Heart failure?’

‘Didn’t the milkman tell you that?’ I inquired sarcastically.

— У тебя был ранний вызов, — заметила Кэролайн.

— Да, — ответил я, — в «Кингс-Паддок». К миссис Феррарс.

— Я знаю, — сказала моя сестра.

— Откуда ты это знаешь?

— От Энни.

Энни — это наша горничная. Милая девочка, но невероятно болтливая.

Последовала пауза. Я продолжал есть яичницу с беконом. Кончик носа моей сестрицы, длинного и тонкого, слегка подрагивал, что случалось всегда, когда она была чем-то взволнована или хотела что-то узнать.

— Итак, — поторопила меня Кэролайн.

— Все это очень грустно. Сделать ничего было нельзя. Скорее всего, она умерла во сне.

— Я знаю, — повторила моя сестрица, и это вывело меня из себя.

— Ты не можешь этого знать, — огрызнулся я. — Я сам этого не знал, пока не увидел ее, и еще не говорил об этом ни одной живой душе. Если твоя Энни это знает, то она ясновидящая.

— Об этом мне сказала вовсе не Энни, а молочник. А ему рассказал повар Феррарсов.

Как я уже сказал, Кэролайн вовсе не надо выходить на улицу, чтобы получить нужную информацию.

— А от чего она умерла? — продолжила моя сестра. — От сердца?

— А разве молочник не говорил? — спросил я голосом, полным сарказма.

Sarcasm is wasted on Caroline. She takes it seriously and answers accordingly.

‘He didn’t know,’ she explained.

After all, Caroline was bound to hear sooner or later. She might as well hear from me.

‘She died of an overdose of veronal. She’s been taking it lately for sleeplessness. Must have taken too much.’

‘Nonsense,’ said Caroline immediately. ‘She took it on purpose. Don’t tell me!’

It is odd, when you have a secret belief of your own which you do not wish to acknowledge, the voicing of it by someone else will rouse you to a fury of denial. I burst immediately into indignant speech.

‘There you go again,’ I said. ‘rushing along without rhyme or reason. Why on earth should Mrs Ferrars wish to commit suicide? A widow, fairly young still, very well off, good health, and nothing to do but enjoy life. It’s absurd.’

‘Not at all. Even you must have noticed how different she has been looking lately. It’s been coming on for the last six months. She’s looked positively hag-ridden. And you have just admitted that she hasn’t been able to sleep.’

‘What is your diagnosis?’ I demanded coldly. ‘An unfortunate love affair, I suppose?’

My sister shook her head.

Но сарказм на мою сестрицу не действует — она ко всему относится очень серьезно и отвечает соответствующим образом.

— Он этого не знает, — пояснила она.

В любом случае это рано или поздно станет известно, так пусть сестра услышит это от меня.

— Она умерла от передозировки веронала. Принимала его в последнее время от бессонницы. И, наверное, перестаралась.

— Глупости, — немедленно среагировала Кэролайн. — Она сделала это нарочно. И не пытайся меня переубедить!

Странно, но когда ваши тайные мысли, в которых вы не хотите признаться даже самому себе, высказывает кто-то другой, то у вас это вызывает мгновенное неприятие. Я немедленно произнес возмущенный спич:

— Ну вот опять ты берешься что-то утверждать, ни в чем толком не разобравшись. С какой, скажи мне, стати миссис Феррарс совершать самоубийство? Вдова, все еще достаточно молодая и очень состоятельная, здоровая — только живи и радуйся! Это абсурд.

— Совсем нет. Даже ты мог бы заметить, что в последнее время она сама на себя была не похожа. И продолжалось это, по крайней мере, последние полгода. Согласись, что она выглядела сильно подавленной. А кроме того, ты же сам только что сказал, что она принимала снотворное.

— И каков же твой диагноз? — холодно поинтересовался я. — Наверное, несчастная любовь?

Но моя сестрица отрицательно покачала головой.

‘Remorse,’ she said, with great gusto.

‘Remorse?’

‘Yes. You never would believe me when I told you she poisoned her husband. I’m more than ever convinced of it now.’

‘I don’t think you’re very logical,’ I objected. ‘Surely if a woman committed a crime like murder, she’d be sufficiently cold-blooded to enjoy the fruits of it without any weakminded sentimentality such as repentance.’

Caroline shook her head.

‘There probably are women like that — but Mrs Ferrars wasn’t one of them. She was a mass of nerves. An overmastering impulse drove her on to get rid of her husband because she was the sort of person who simply can’t endure suffering of any kind, and there’s no doubt that the wife of a man like Ashley Ferrars must have had to suffer a good deal —’

I nodded.

‘And ever since she’s been haunted by what she did. I can’t help feeling sorry for her.’

I don’t think Caroline ever felt sorry for Mrs Ferrars whilst she was alive. Now that she has gone where (presumably) Paris frocks can no longer be worn, Caroline is prepared to indulge in the softer emotions of pity and comprehension.

I told her firmly that her whole idea was nonsense.

— Раскаяние, — со вкусом произнесла она.

— Раскаяние?

— Ну конечно. Ты же не хотел мне верить, когда я говорила, что она отравила мужа. А я теперь уверена в этом больше, чем когда бы то ни было.

— Мне кажется, что ты не очень логична, — возразил я. — Женщина, которая решается на такое преступление, как убийство, должна быть достаточно хладнокровна, чтобы потом иметь возможность наслаждаться его результатами. И ни о каких сантиментах, вроде угрызений совести, с ее стороны и речи быть не может.

Кэролайн покачала головой.

— Может быть, подобные женщины и существуют, но миссис Феррарс была не из таких. Вся словно комок обнаженных нервов. Минутный, но очень сильный порыв заставил ее избавиться от мужа, потому что она была женщиной, которая просто не могла переносить никакие страдания. А ты можешь быть уверен, что страданий у жены такого человека, как Эшли Феррарс, было больше чем достаточно...

Я согласно кивнул.

— А после этого угрызения совести за содеянное не оставляли ее. Мне ее очень жалко.

Не думаю, что Кэролайн хоть чуточку жалела миссис Феррарс, когда та была жива. А теперь, когда она отошла туда, где (скорее всего) не носят платьев из Парижа, Кэролайн была уже тут как тут, чтобы пожалеть и оправдать ее.

Я твердо сказал сестре, что ее идея — это абсолютная глупость.